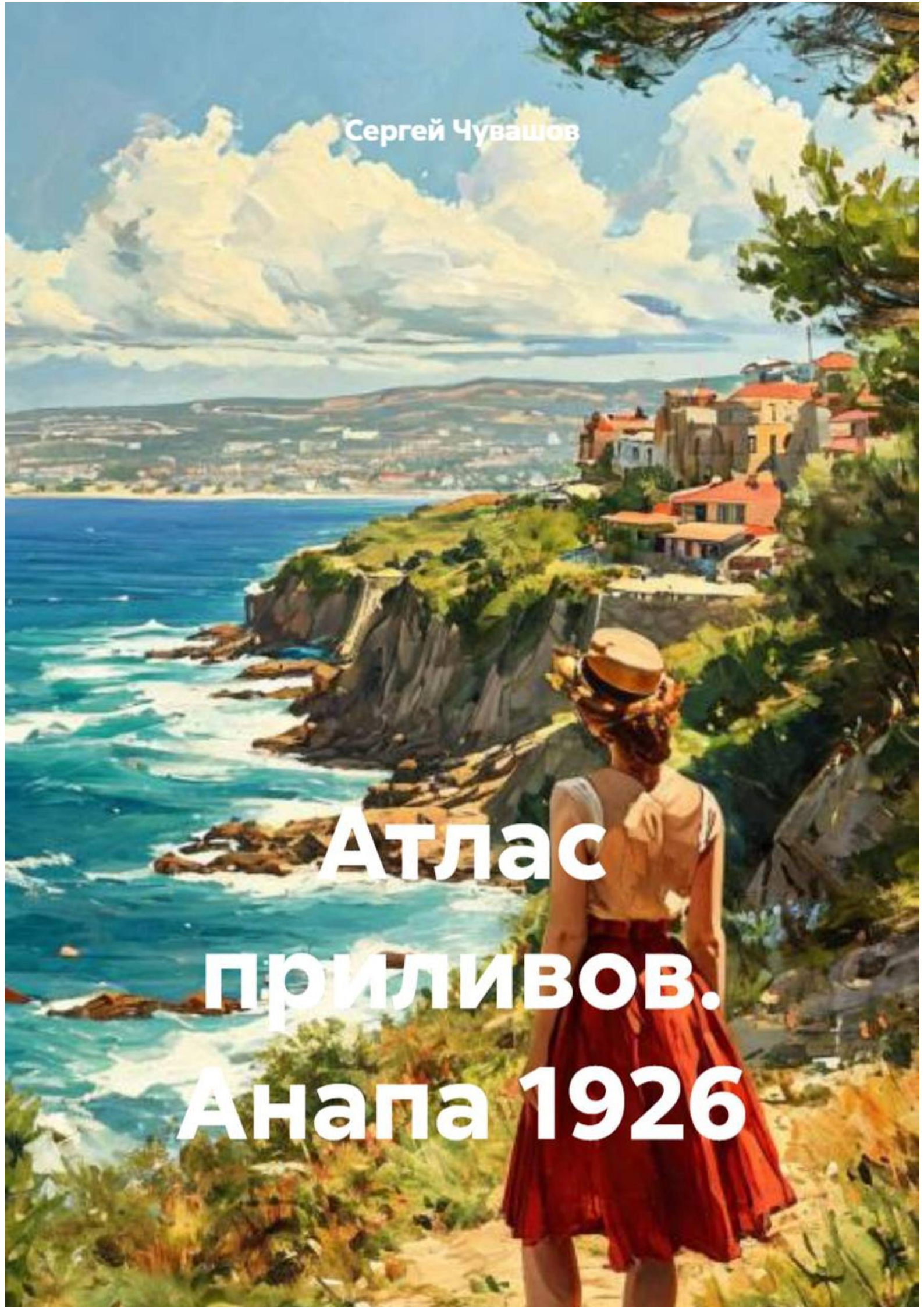

A painting of a woman in a red dress and hat looking out over a coastal town and the sea. The woman is in the foreground, seen from behind, wearing a red dress and a light-colored hat. She is looking out over a coastal town with red-roofed buildings, situated on a hillside overlooking the sea. The sea is blue with white waves crashing against the shore. In the background, there are mountains under a sky with large, white, fluffy clouds. The overall style is that of a classic landscape painting.

Сергей Чувашов

Атлас приливов. Анапа 1926

Сергей Чувашов

Атлас приливов. Анапа 1926

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Атлас приливов. Анапа 1926 / С. Ю. Чувашов — «Автор», 2026

1926 год. Анапа, приморский городок, залитый южным солнцем и дышащий ветрами перемен. Сюда, следуя за обрывками старого дневника и семейной тайной, приезжает Лика Орлова, молодая журналистка из Москвы. Её цель — найти следы деда, бесследно исчезнувшего в этих местах после Гражданской войны. Её единственная ниточка — имя художника Арсения Волкова, чьи довоенные картины хранят не только красоту побережья, но и ключ к прошлому. Сам Арсений, замкнутый и травмированный войной, не хочет ворошить пепел памяти. Но сила, что тянет Лику к разгадке, оказывается сильнее его сопротивления. Среди кипарисовых аллей, на пустынных пляжах и в старых виноградниках рождается чувство, способное или исцелить старые раны, или открыть бездну, которая поглотит их обоих. Это история о том, как прошлое рисует карту нашего будущего, а любовь — единственный компас в бушующем море памяти.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов

Атлас приливов. Анапа 1926

Глава 1. Шёпот маяка

Воздух в Анапе пах иначе. Это был первый и самый стойкий её вывод. Не пылью и бензином, как в Москве, а густой, тяжёлой смесью: йодистой свежестью моря, сладковатым ароматом нагретого за день кипариса и далёким, едва уловимым дымком — будто где-то за холмами тлели прошлогодние листья. Лика стояла на перроне, сжимая в потной ладони ручку чемодана, и слушала. Тишину, редкую для города, прорезали крики чаек, далёкий плеск волн и чей-то смех, донёсшийся со стороны пляжа. Она закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Воздух обволакивал, проникал внутрь, вымывая усталость долгой дороги.

Станция была небольшой, белое здание с голубыми ставнями выглядело по-домашнему уютным. Солнце, уже клонящееся к закату, отбрасывало длинные, измятые тени. Народу было немного: несколько курортников в светлых костюмах, местные с тележками, гружёнными арбузами и виноградными гроздьями тёмного, почти чёрного цвета. Лика пошла к выходу, её лёгкое платье цвета морской волны колыхалось в такт шагам.

«Улица Крепостная, дом пять, у тёти Маши», — мысленно повторила она адрес, который дала знакомая из редакции. Снять комнату в частном доме вышло дешевле и незаметнее, чем селиться в одном из новых санаториев. Она не была здесь отпускницей. Она была охотником за призраками.

В кармане её жакета лежала тетрадь в потёртом кожаном переплёте. Дневник деда, Павла Орлова. Последняя запись датирована 12 сентября 1920 года: «Всё кончено. Истину знаю только я. И он. Хранитель. Надо найти Волкова в Анапе. Он покажет путь. Если я не вернусь, прости, моя Анечка...»

Анечка — её бабушка. Она отдала дневник месяц назад, руки у старушки тряслись. «Ищи, внучка, — прошептала она. — Я не могла. Боялась узнать, что он просто сбежал от нас. А теперь... теперь мне уже всё равно. Мне нужен покой. А тебе — правда».

«Волков в Анапе». Арсений Волков. Художник-маринист. О нём в Москве помнили лишь немногие искусствоведы. Небольшая выставка до революции, несколько упоминаний в довоенных журналах, потом — тишина. Считалось, что он погиб на фронте. Но бабушка уверяла, что видела его имя в списках жителей Анапы за 1924 год, которые кто-то из знакомых привёз из командировки.

Лика вышла на набережную, и дыхание перехватило. Море. Оно лежало перед ней огромное, синее, усыпанное золотыми блёстками заката. Неподвижное и вечное. Оно не волновалось, лишь лениво и плавно дышало, накатывая на гальку ровными, отутюженными волнами. Запах соли стал ярче, почти осязаемым. По краю воды бродили несколько человек, дети смеялись, пуская в море щепочные кораблики. Идиллия. Картинка из курортной брошюры.

Но Лика смотрела не на воду, а вдоль берега, туда, где на мысу, уже тонувшем в лиловых сумерках, мигал одинокий огонёк. Маяк. Старый, каменный. По словам тёти Маши, в домике смотрителя при маяке и жил тот самый Арсений Волков. Отшельник. Чудак.

Комната у тёти Маши оказалась маленькой, но чистотой, пахнувшей свежевывмытыми полами и сушёной мятой. Окно выходило в сад, где росла огромная, раскидистая шелковица. Устроив нехитрый скарб, Лика не стала распаковывать вещи. Нетерпение, острое и колючее, гнало её прочь из дома.

Она шла по опустевшим вечерним улицам. Анапа засыпала рано. Огни в окнах были тусклыми, редкими. Где-то играла гармошка, да слышался лай собак. Воздух остывал, наполняясь прохладой и ароматом ночных цветов. Дорога к маяку вилась в горку, мимо низких белёных домиков, поросших диким виноградом.

Маяк рос перед ней, тёмный силуэт на фоне звёздного, ещё не полностью тёмного неба. Сам огонь мигал ровно, бесстрастно. Рядом притулился одноэтажный домик под черепичной крышей. В одном окне светился огонёк — не электрический, а желтоватый, дрожащий, похожий на свет керосиновой лампы.

Сердце Лики забилося чаще. Что она скажет ему? «Здравствуйте, вы не знали моего деда, который исчез шесть лет назад? Он писал, что вы — хранитель истины. Не подскажите, какой?» Звучало как бред.

Она подошла к калитке в низком каменном заборе. Сад перед домом был заброшен: кусты сирени и жасмина сплелись в непроходимые заросли, дорожки заросли травой. Но в самом углу, у старой каменной скамьи, белел мольберт. И на нём — почти законченная картина.

Лика замерла, забыв на мгновение о цели своего визита. На холсте было море. Но не то идиллическое, счастливое море с набережной. Это было море перед бурей. Свинцовые, тяжёлые волны вздымались к небу, затянутому рваными, яростными тучами. В центре, едва заметный, тонул в пучине небольшой парусник. Но самое поразительное было в свете. Из-за туч пробивался один-единственный луч холодного, почти призрачного света и падал прямо на палубу корабля, выхватывая из мрака фигуру человека, вцепившегося в мачту. В этом луче была не надежда, а обречённость. Страшная, прекрасная обречённость.

«Нравится?» — раздался голос сзади.

Лика вздрогнула и резко обернулась. В проёме двери дома стоял мужчина. Он был высоким, чуть сутулым, одетым в простую рабочую рубашу навывпуск и поношенные брюки. Его лицо, с резкими скулами и тёмными глазами, было худым, почти исхудавшим. Волосы, с проседью на висках, были всклокочены. Но больше всего Лику поразили его глаза. Они смотрели на неё не со страхом или удивлением непрошеного гостя, а с усталой, всепонимающей глубочайшей печалью. В этих глазах было столько моря, столько бури и тишины после неё, что ей на мгновение показалось, будто она смотрит прямо в ту самую картину.

«Я... я проходила мимо, — с трудом выдавила она. — Картина... она очень сильная».

Мужчина, не отрывая от неё взгляда, сделал несколько шагов вперёд. Он прихрамывал. Подойдя ближе, он взглянул на холст, потом снова на неё.

«Она не закончена, — сказал он глуховатым, низким голосом. — Не хватает главного. Света в глазах того, кто на палубе. Света принятия».

Ли́ка не знала, что ответить. В её кармане дневник словно жёг ткань.

«Вы... вы Арсений Волков?» — спросила она, и голос её прозвучал хрипло от волнения.

Тень пробежала по его лицу. Печаль в глазах сменилась настороженностью, ставшей железной стеной.

«Я. А вы кто? Откуда вы знаете это имя?»

Ли́ка вдохнула ночной воздух, пахнувший теперь ещё и красками и скипидаром.

«Меня зовут Ли́ка Орлова. Я из Москвы. Я ищу своего деда. Павла Орлова». Она вытащила из кармана дневник. «Он писал, что вы можете помочь. Что вы — хранитель».

Арсений Волков не двинулся с места. Он смотрел то на неё, то на потрепанный переплёт в её руках. В его глазах что-то дрогнуло — может, воспоминание, может, боль. Он медленно поднял правую руку, чтобы взять дневник, и Ли́ка заметила, что пальцы его скрючены, будто скованы невидимой болью, и движутся с трудом.

«Орлов... — произнёс он так тихо, что его слова едва не утонули в шуме прибоя далеко внизу. — Так он всё-таки не сжёг эти записи».

И в этот момент из глубины сада, из-за густых зарослей сирени, донёсся слабый, но отчётливый звук — сухой треск сломанной ветки.

Арсений мгновенно встрепнулся. Его глаза метнулись в сторону темноты, настороженность сменилась чем-то похожим на животный страх. Он резко шагнул вперёд, заслонив собой Ли́ку и картину.

«Вам надо уходить, — прошептал он, не глядя на неё. — Сейчас же. И никому не говорите, что были здесь. И что видели это».

«Но...»

«Уходите!» — его голос прозвучал не приказом, а отчаянной мольбой.

И прежде, чем Ли́ка успела что-то понять, он взял её за локоть и почти силой направил к калитке. Его пальцы, холодные и сильные, сжимали её руку.

За её спиной, в чёрной пасти сада, маячил неподвижный тёмный силуэт, сливавшийся с тенями. Кто-то стоял и смотрел. Молча.

Калитка захлопнулась за ней с глухим стуком. Ли́ка, дрожа от адреналина и непонимания, стояла на тропинке, ведущей вниз, к спящему городу. Огонёк в окне дома погас. Маяк продолжал мигать в темноте, равнодушный и одинокий.

Охота за призраками только что стала очень, очень реальной. А хранитель истины, казалось, боялся этой истины больше, чем кто-либо другой.

Глава 2. Чернильные пятна прошлого

Сон не шёл. Ли́ка ворочалась на узкой железной кровати под чистым, пахнущим солнцем бельём, прислушиваясь к ночным звукам Анапы. Где-то далеко, за садом, кричал филин. Шелестели листья шелковицы за окном. А в ушах непрерывно звучал низкий, полный отчаяния голос Арсения Волкова: «Уходите! Никому не говорите...»

Кто мог следить за домом у маяка? И почему сам художник, казалось, ожидал этого наблюдения? Вопросы кружились в голове как беспорядочный пчелиный рой, и в их центре жужжала одна, самая главная мысль: дневник. Он не сжёг записи. Значит, дед доверял ему. Но доверие это, судя по реакции Волкова, было для него тяжким бременем.

На рассвете, когда первые розовые полосы растянулись над тёмным силуэтом Кавказских гор, Ли́ка уже сидела за столиком в саду тёти Маши, с чашкой крепкого чая и раскрытой тетрадью. Она составила план. Журналистский подход: сначала провести разведку, собрать косвенные сведения, создать контекст. Прямое нападение на Волкова провалилось. Нужно было найти обходные пути.

Тётя Маша, полная, добродушная женщина с вечно запylённым фартуком, принесла тарелку с горячими лепёшками и брынзой.

— Всё не спится, родная? — участливо спросила она. — Место новое, непривычно. А ты, говорят, из Москвы? Надолго к нам?

— На отдых, — автоматически ответила Ли́ка, отрабатывая легенду. — Хочу морем подышать. А вы, Мария Петровна, давно здесь живёте?

— Ой, всю жизнь, дитятко! Здесь и родилась, ещё при старом режиме. Видела я и пароходы белогвардейские, как они отчаливали в последний путь, и красных кавалеристов по этим самым улицам... — она махнула рукой, и на её лице мелькнула тень. — Времени теперь полегче, конечно. Санатории открывают, народ на лечение едет. Но тихо ещё. Тише, чем было.

«Тише, чем было». Ли́ка ухвати́лась за эту фразу.

— А много ли у вас тут осталось старожилов? Художников, например? Людей искусства? Тётя Маша налила себе чаю, присела на краешек стула.

— Художников? Да кто ж их тут, на краю земли, держал? Война всех разметала, родная. Кто погиб, кто уехал. Был один... Волков, кажется. Арсений. Жил у маяка. Талантливый, говорят, был. Красиво море писал. Да вон, глянь.

Она поднялась, порылась в комоде у печки и вытащи́ла пожелтевшую открытку. Это была дореволюционная литография с видом Анапской бухты. В углу стояла чёткая, уверенная подпись: «А. Волков. 1913».

— Красиво, правда? — тётя Маша провела пальцем по изображению, где парусники застыли в прозрачной, как аквамарин, воде. — Таким наш городок и запомнился. А теперь... Теперь он другой. И люди другие.

Ли́ка внимательно разглядывала подпись. Та же рука, что писала грозовые тучи на холсте вчера вечером. Но какая разница! Там — свет, покой, безмятежная ясность. Здесь — буря и отчаяние. Что произошло с человеком за эти тринадцать лет?

— А что с ним сейчас? — стараясь звучать как можно небрежнее, спросила Ли́ка.

Тётя Маша вздохнула.

— А кто его знает. С войны вернулся... не таким. Молчаливый, закрытый. Рука у него, слышала, плохо работает. Редко в люди показывается. Живёт себе там, с морем наедине. Гово-

рят... — она понизила голос, хотя кроме них в комнате никого не было, — говорят, не в себе совсем. Призраков каких-то ищет.

«Призраков». Слово повисло в воздухе, тяжёлое и многозначное. Лика поблагодарила за завтрак и, сославшись на прогулку, вышла на улицу.

Утро было восхитительным. Воздух, ещё прохладный, бодрил. Солнце золотило белые стены домов. Она направилась в сторону порта, решив начать с публичной библиотеки, что располагалась в бывшем здании гимназии. Старые газеты, подшивки журналов, адресные книги — сухая пыль архива могла рассказать больше, чем люди, боящиеся собственных воспоминаний.

Библиотекарша, пожилая женщина в пенсне, с недоверием покосилась на московскую справку Лики, но доступ к местному фонду открыла. Час за часом Лика погружалась в прошлое, листая хрустящие страницы «Черноморского вестника» за 1919-1921 годы. Война. Приходы и уходы властей. Объявления о розыске. Списки прибывших и выбывших. Её глаза слипались от мелкого шрифта, но она методично вела записи.

И вот удача. В номере за октябрь 1920 года, в разделе «Хроника культурной жизни», короткая заметка: «В помещении бывшего Общественного собрания открылась выставка работ местного художника А. Волкова. Экспозиция, посвящённая природе Черноморского побережья, пользуется вниманием публики. Особый интерес представляет цикл «Старая Анапа», запечатлевший уголки города, исчезнувшие в ходе недавних боевых действий.»

Рядом, в следующем столбце, её взгляд упал на другое сообщение, маленькое, всего несколько строк: «Уполномоченным ЧК по делам беженцев утверждён товарищ П. Орлов. Приём по средам.»

Сердце ёкнуло. Они были здесь одновременно. Осенью 1920-го. Дедушка не просто проезжал — он работал здесь, имел официальный пост. А Волков выставлялся. Их пути должны были пересечься. Это была не выдумка, не бредовая запись в дневнике — это был факт.

Она сделала выписку, стараясь не дрожащими руками. Потом перешла к более поздним годам. В 1922-м — короткая заметка о пожаре в архивном хранилище окружного исполкома. Погибла часть документов за 1919-1920 годы. «Несчастный случай». Лика почувствовала холод вдоль позвоночника.

Она уже собиралась уходить, когда библиотекарша, смягчённая, видимо, её усердием, сама подошла к столу.

— Ищите что-то конкретное, товарищ?

— Да вот, интересуюсь историей края, — уклончиво ответила Лика. — До революции тут, наверное, своя богема была?

— Богема? — женщина усмехнулась. — У нас тут не Петербург. Но кружок был. В доме доктора Савельева собирались. И художники, и учителя гимназии, и тот, кто на вилле «Вера» жил... инженер один. И Волков туда ходил. Часто. Даже портреты некоторых писал.

— Доктор Савельев? Он ещё жив?

— Ой, нет, родная. Его в двадцатом году... — она махнула рукой, закончив фразу многозначительным жестом. — А вилла «Вера» стоит до сих пор. На высоком берегу, за старым кладбищем. Только теперь там детская колония здоровья. Никого из тех уже нет.

Вилла «Вера». Новый след. Лика поблагодарила и вышла на улицу, ослеплённая полуденным солнцем. Она купила в ларьке бутылку нарзана и кусок лаваша, устроилась на скамейке в тенистом скверике. Мысли путались. Пожар в архиве. Доктор Савельев, «ушедший» в двадцатом. Замкнутый художник, боящийся теней в собственном саду. И её дед, исчезнувший в этой мясорубке.

Она вытащила дневник, перечитала последнюю запись. «Истину знаю только я. И он. Хранитель.» Что за истина могла быть такой опасной через шесть лет после окончания войны?

Решив проверить ещё одну ниточку, Лика свернула к зданию окружного исполкома. Современная власть. Может, сохранились списки сотрудников? Но в канцелярии, куда она обратилась с вопросом о поиске сведений о родственнике, работавшем в 1920 году, её встретили вежливой, но непроницаемой стеной бюрократии. «Заявления подаются в таком-то порядке, справки делаются столько-то дней, нужны подтверждающие документы». Она ушла, понимая, что этот путь займёт недели, если не месяцы.

Вечером она снова оказалась у подножия тропы, ведущей к маяку. Но теперь не для прямого разговора. Она хотела увидеть. Просто увидеть место при свете дня. Осмотреть дом, сад, понять, откуда мог прийти тот, кто следил.

Она выбрала позицию в зарослях дикой ежевики чуть выше по склону, откуда открывался вид на дом и часть сада. Маяк молчал, его огонь был невидим в солнечных лучах. Дом выглядел мирно, даже убого. Оштукатуренные стены осыпались, черепица кое-где просела. Но сад... днём он не казался таким угрожающим. Арсений сидел на той же каменной скамье перед мольбертом. Он не рисовал. Он просто сидел, уставившись на море, его спина была воплощением такой безысходной усталости, что Лике стало не по себе. Потом он поднял свою больную руку, разглядывая её, будто впервые видя, и медленно, с видимым усилием сжал пальцы в кулак. Это был жест отчаяния и бессилия.

И тут движение у забора привлекло её внимание. Не со стороны сада, а снаружи. По тропинке, ведущей от города, шёл мужчина. Не местный рыбак или крестьянин. Он был одет в аккуратный, но немодный костюм-тройку и шляпу-котелок. Шёл не спеша, как прогуливаясь, но его глаза внимательно, методично осматривали дом, забор, окрестности. Он сделал круг, остановился как раз напротив того места, где вчера стояла тень, достал блокнот и что-то записал. Потом, бросив последний оценивающий взгляд на спину Арсения, развернулся и зашагал обратно.

Это был не случайный прохожий. Это была целенаправленная, профессиональная рекогносцировка.

Лика затаила дыхание. Когда мужчина скрылся из виду, она, крадучись, вышла из укрытия и почти бегом, сердцем, колотящимся о рёбра, спустилась в город. У неё не было сомнений. За Арсением Волковым следят. И он это знает. И это наблюдение как-то связано с делом её деда.

Возвращаясь к тёте Маше, она проходила мимо маленькой рыбацкой лавки, где на льду сверкали свежепойманные кефаль и барабулька. Хозяин, бородатый грек, вытирал руки о фартук.

— Прекрасный улов, — машинально сказала Лика, останавливаясь.

— Море сегодня добрым было, — улыбнулся он. — А вы, барышня, на отдыхе? Лицо у вас встревоженное.

— Да так... немного заблудилась, — солгала она. — Скажите, а кто здесь у вас по части истории разбирается? Краевед какой? Мне бы старые фотографии посмотреть.

Грек почесал бороду.

— Краевед? Умные книжки — это в библиотеку. А вот старые фотографии... Сходите к Семёнычу. Он в старом фотоателье на Почтовой живёт. У него всего на фотонных пластинах — пропасть. Он и про всех знает. Только он... странный немного. Не каждого принимает.

Фотоателье на Почтовой оказалось заколоченной лавкой с вывеской «Светопись», потускневшей от времени. Дверь во дворе была открыта. Лика постучала в косяк.

— Входи, коли с миром! — прогремел из темноты густой бас.

Внутри пахло химикатами, пылью и старым деревом. В полумраке, освещённый лучом света из слухового окна, сидел огромный старик с львиной гривой седых волос. Перед ним на столе лежали стеклянные негативы, которые он рассматривал через огромную лупу.

— Семён Семёнович? — робко начала Лика. — Мне сказали, вы можете помочь...

— Помочь? — старик оторвал взгляд от пластины, и его острые, пронзительно-голубые глаза уставились на неё. — Помочь можно родине, товарищу или голодной собаке. Чего хотите-то?

— Я ищу сведения о человеке. Он жил здесь в 1920 году. Павел Орлов.

Старик замер. Он медленно отложил лупу, откинулся на спинку стула, скрипящего под его тяжестью.

— Орлов... — проговорил он, растягивая слово. — Московский комиссар с мягкими руками. Так. А вам он кто?

— Родственник, — честно сказала Лика, чувствуя, что этому человеку врать бесполезно.

— Родственник... — Семёныч хмыкнул. — Ну что ж. Родственная любовь — штука сильная. Только память, дитё, — он ткнул толстым пальцем себе в висок, — штука ненадёжная. А вот стекло — оно помнит всё. Жди.

Он тяжело поднялся, подошёл к бесконечным полкам, уставленным деревянными ящиками, и начал что-то бормотать себе под нос, перебирая их. Лика стояла, затаив дыхание. Воздух в мастерской казался густым от времени.

— Вот! — наконец провозгласил он, снимая один ящик. — Осень двадцатого. Групповой снимок. В день открытия той самой выставки.

Он положил перед ней на стол большую стеклянную пластину. Лика наклонилась. На негативе, в перевёрнутых светлых и тёмных тонах, она увидела группу людей в помещении, украшенном картинами. Узнавала стиль — это были те самые светлые, мирные марины Волкова. В центре группы, чуть в стороне, стоял молодой Арсений. Он улыбался. Улыбался легко, свободно, одной рукой опираясь на мольберт. Рядом с ним — мужчина в военной гимнастёрке без знаков различия, с умным, усталым лицом. Дедушка. Она узнала его по единственной сохранившейся домашней фотографии. Её сердце сжалось.

А чуть позади них, в тени колонны, стояла третья фигура. Высокий, худощавый мужчина в очках, с пронзительным, внимательным взглядом, устремлённым не в объектив, а на Павла Орлова. Его лицо было знакомым. Страшно знакомым. Лика пригляделась, и холодный пот выступил у неё на спине. Это был тот самый человек в котелке, который час назад осматривал

дом Арсения Волкова. Только моложе. Без седины. Но те же острые черты, тот же пронизывающий взгляд.

— Кто это? — едва слышно спросила она, указывая на фигуру в очках.

Семёныч приложил лупу.

— А... Этот. Сергей Миронович Глинский. Из особого отдела тогда был. Очень деятельный товарищ. Интересовался искусством, — старик фыркнул. — И художниками. И комиссарами. Очень интересовался. Где он теперь — одному богу известно.

Лица выпрямилась. В ушах зашумело. Картинка складывалась в мозаику, где пока не хватало нескольких ключевых кусочков, но контуры проступали чётко и пугающе. Чекист, интересовавшийся её дедом и Волковым в 1920-м. Тот же человек, или его наследник по должности, следил за Волковым сейчас. Истина, которую знали двое. Истина, за которой охотились.

Она поблагодарила старика, который лишь кивнул, уже погрузившись в следующую пластину, и вышла на улицу. Вечерний воздух не принёс облегчения. Она шла по опустевшей Почтовой улице, чувствуя, как стены старой Анапы смыкаются вокруг неё, храня в своих камнях шепот давно забытых слов, запах страха и тайну, которая, похоже, всё ещё была кому-то очень нужна.

Теперь она знала главное. Её дед не просто исчез. Он стал частью этой тайны. И Арсений Волков, «хранитель», был не сумасшедшим отшельником, а живым щитом, последней преградой между прошлым и кем-то, кто это прошлое очень хотел навсегда похоронить. А она, сама того не желая, своим появлением сорвала этот хрупкий покров молчания.

И, судя по утреннему визитёру в котелке, похороны могли начаться очень скоро. И не только прошлого.

Глава 3. Стекло и тени

Возвращаясь в комнату тёти Маши, Лица чувствовала, как по спине бегают мурашки. Не от вечерней прохлады — от осознания. Человек в котелке был не случайным любопытствующим. Он был звеном в цепи, тянущейся из 1920 года. Сергей Миронович Глинский. «Очень деятельный товарищ», как сказал Семёныч. Если это тот же человек, то что ему нужно от Арсения сейчас, спустя шесть лет? И главное — как он узнал о её появлении?

В доме пахло жареной рыбой и укропом. Тётя Маша, хлопоча у печки, бросила на неё встревоженный взгляд.

— Что-то случилось, родная? Лицо-то у тебя белое, как мел.

— Устала, пожалуй, — попыталась улыбнуться Лица. — Много ходила.

— На море бы тебе, воздухом подышать, а не по пыльным архивам шляться, — покачала головой хозяйка. — Вот поешь горяченького, и вся хандра пройдет.

Но аппетита не было. Лица, отодвинув тарелку с душистой кефалью, под предлогом головной боли ушла в свою комнату. Она заперла дверь на щеколду, впервые за всё время почувствовав необходимость в этом простом жесте безопасности. Затем достала дневник и блокнот с выписками. Нужно было систематизировать всё, что она узнала за день.

Она расчертила на чистом листе три колонки: «1920 год», «Арсений Волков», «Настоящее время». Под первой записала: «Выставка Волкова. Дедушка — уполномоченный ЧК по беженцам. Глинский — особый отдел. Кружок доктора Савельева. Пожар в архиве». Под вто-

рой: «Травма руки. Замкнутость. Картины бури. Страх наблюдения. Знает об истине (?)». Под третьей: «Глинский (или его люди) следит за домом Волкова. Реакция Волкова — паника. Моё появление спровоцировало активность».

Связи проступали, но центральное звено — та самая «истина» — оставалось в тумане. Что могли знать художник и комиссар, что заставило бы сотрудника особого отдела проявлять интерес спустя годы? Что-то связанное с делами беженцев? С пропавшими людьми? Или... с деньгами? Сокровищами? Нет, слишком мелко для такой длительной игры. Что-то идеологическое? Компромат?

Она перечитала дневник деда ещё раз, уже не как внучка, а как исследователь, ища не эмоции, а факты. Между строк проступала не только тоска по семье, но и растущее напряжение, усталость, даже страх. За несколько недель до последней записи появилась странная фраза: «Встретился с Волковым у разрушенной колоннады. Говорили о синем цвете. Он прав — истинный ультрамарин не спутать с подделкой. Но цена ему слишком высока.»

Синий цвет. Ультрамарин. Художественная метафора? Или пароль? «Цена слишком высока» — это точно не о красках.

Лица взглянула на окно. За стеклом была уже густая, бархатная южная ночь. И вдруг она поняла, что не может сидеть здесь, в четырёх стенах, когда там, у маяка, человек, знавший её деда, возможно, находится в опасности из-за её неосторожного визита. Мысль о том, что за ним следят, не давала покоя. Она представила его — сидящим в темноте, прислушивающимся к каждому шороху, с его больной рукой, не способной даже как следует сжать кулак.

Это была глупая, опрометчивая идея. Но она встала, накинула тёмный платок на плечи и бесшумно выскользнула из дома.

Ночь была тёплой и звёздной. Млечный Путь раскинулся над головой роскошным, сияющим шлейфом. Воздух благоухал ночным цветением жасмина. Контраст между этой пленительной красотой и холодным страхом внутри был разрывающим. Она шла быстро, почти бежала по знакомой уже тропинке, прижимаясь к теням домов.

Подойдя к дому у маяка, она замерла. Окно было тёмным. Всё казалось безжизненным. И тут она заметила слабый отсвет у земли, в глубине сада, со стороны старого колодца. Не огонёк лампы, а скорее тусклое, колеблющееся свечение, как от свечи, спрятанной в нише.

Крадучись, обходя сухие ветки, она пробиралась к источнику света. Это была не свеча. Это была маленькая, походная керосиновая лампа, стоявшая на краю каменного колодца. А рядом, на корточках, спиной к ней, сидел Арсений Волков. Он что-то разглядывал в руках, склонив голову. Рядом валялась небольшая лопата, комья влажной земли.

Лица сделала шаг, хрустнула ветка. Он вздрогнул и резко обернулся, прикрывая рукой то, что держал. В тусклом свете лампы его лицо было искажено гримасой ужаса, которая сменилась изумлением, а затем — ледяной, бездонной усталостью.

— Вы? — прошептал он. — Вы что, совсем безумная? Я же сказал вам уйти!

— За вами следят, — выпалила Лика, не слушая его. — Я видела этого человека сегодня днём. Он осматривал ваш дом. А потом я нашла его фотографию. 1920 год. Он стоит рядом с вами и моим дедом. Его зовут Глинский.

Имя подействовало на Арсения как удар хлыста. Он замер, его глаза расширились. Кажется, он на мгновение перестал дышать. Потом его плечи бессильно опустились.

— Так он вернулся, — просто сказал он, и в его голосе не было удивления, только горькое, давно ожидаемое подтверждение. — Или никогда и не уезжал.

— Кто он? Что ему нужно? — Лика сделала шаг вперёд.

Арсений поднял на неё взгляд. В его глазах не было уже прежней стены — только глубокая, изматывающая усталость и что-то похожее на решение.

— Вам правда нужно это знать? — спросил он тихо. — Вам, которая может просто уехать отсюда и забыть?

— Нет, — твёрдо ответила Лика. — Я не могу. Он был моим дедом. И вы... вы единственный, кто может мне помочь.

Арсений долго смотрел на неё, будто взвешивая что-то. Потом он вздохнул, отодвинулся и показал то, что держал в руках. Это была небольшая, туго завёрнутая в промасленную ткань свёртка. Он развернул её. Внутри, под слоем вощёной бумаги, лежала пачка писем, несколько фотографий и маленький, изящный дамский медальон на цепочке.

— Я не храню истину в голове, — сказал он глухо. — Голова — ненадёжное хранилище. Я храню её здесь. В земле. Как только вы пришли вчера, я понял — пора. Они могли проследить за вами. Или кто-то из местных уже доложил, что москвичка интересуется стариной. Я хотел... перепрятать.

Лика, затаив дыхание, опустила на колени рядом с ним. Он протянул ей одну из фотографий. На ней были трое: молодой, улыбающийся Арсений; её дед, Павел, с чуть грустными глазами; и между ними — молодая женщина необыкновенной, хрупкой красоты. У неё были светлые, льняные волосы, заплетённые в тяжёлую косу, и огромные, светлые глаза. Она смотрела прямо в объектив с задумчивой, немного отстранённой улыбкой.

— Кто это? — прошептала Лика.

— Вера, — ответил Арсений, и его голос дрогнул. — Моя сестра. Вера Волкова. Или, как её называли в ваших документах, — жена доктора Савельева.

Лика вспомнила слова библиотекари: «Вилла «Вера». Дом доктора Савельева». Кружок.

— Что с ней случилось?

Арсений взял медальон, с трудом открыл его дрожащими пальцами. Внутри, под стеклом, была миниатюра — тот же портрет Веры, написанный акварелью.

— Осенью 1920 года было беспокойно. Фронт приближался, потом откатывался. В городе царил паника, слухи, доносы. Ваш дед, Павел Николаевич, как уполномоченный по беженцам, столкнулся с чудовищной машиной бюрократии и жестокости. Людей отправляли обратно, в зону боевых действий, по формальным признакам. Или расстреливали как шпионов. Он... он пытался спасти. Выдавал фальшивые документы, справки, помогал людям бежать. У него была своя «контора» — несколько проверенных людей. Я, как художник, мог свободно перемещаться, делать зарисовки «для будущих картин». Я был курьером. Передавал информацию, документы. А Вера... Вера была душой нашего кружка. Её дом, вилла, стал перевалочным пунктом. Там прятали людей на день-два, кормили, переодевали.

Он замолчал, глотая воздух, будто давно не говорил так много.

— А Глинский? — спросила Лика.

— Глинский был из особого отдела. Умный, хладнокровный, амбициозный. Он что-то заподозрил. Начал расследование. Он вызывал на допросы, вербовал осведомителей. Он выходил на след. И тогда... тогда было принято решение. Большой конвой с беженцами должен был уйти в горы, к зелёным. Безопасный маршрут проложил ваш дед. Проводником была Вера. Она знала те тропы как свои пять пальцев. Но кто-то... кто-то выдал. — Голос Арсения сорвался. — Конвой попал в засаду. Была перестрелка. Большинство погибло. Вера... её тело так и не нашли. Считали погибшей. Но Павел Николаевич был уверен, что её взяли живой. Что Глинский взял её как заложницу, как козырную карту. Потому что она знала слишком много. Имена, явки, всю сеть.

Лика чувствовала, как холодеют её пальцы.

— И что же? Что сделал дед?

— Он пошёл на сделку, — Арсений закрыл глаза. — Он предложил Глинскому всё. Все списки, все доказательства его, Глинского, махинаций и злоупотреблений, которые мы успели собрать. В обмен на Веру и гарантии безопасности для оставшихся. Встреча была назначена. На ней присутствовали только они трое: Павел, Глинский и я как свидетель. Место встречи — старая генуэзская башня за городом. Но... это была ловушка. Глинский пришёл не один. Были его люди. Он хотел забрать компромат и никого не отпускать. Началась драка. Стреляли. Мне... мне прострелили руку. — Он инстинктивно погладил больную кисть. — Павлу удалось вырваться. Он крикнул мне, чтобы я бежал, что он отвлечёт их. И... и он исчез. В ту ночь. Навсегда. А Глинский, чтобы замести следы, объявил его дезертиром, сбежавшим с казёнными деньгами. И мне пришлось молчать. Молчать, чтобы не добились меня. И... и чтобы не добились её, если она всё ещё жива.

Тишина повисла между ними, густая, как смола. Лика смотрела на фотографию улыбающейся Веры, на медальон, и её мир переворачивался. Её дед был не беглецом, а героем, попавшим в ловушку. И он, возможно, погиб, спасая других.

— А «истина»? — наконец спросила она.

— Истина — это всё это, — Арсений махнул рукой на свёрток. — Письма Павла с описанием схем, подлинные списки спасённых, копии приказов Глинского, наши показания. И главное — признание самого Глинского, которое Павел успел записать на клочке бумаги в ту ночь, перед самой встречей. Он успел сунуть его мне. Это была наша страховка. Глинский знал, что если с нами что-то случится, эти бумаги всплывут. Поэтому он не тронул меня тогда окончательно. И, видимо, всё эти годы ждал, наблюдал, искал этот архив. А теперь вы приехали. И он понял — тишине конец.

Лика взглянула на свёрток как на живую, дышащую сущность. В нём была правда о деде. И смертельная опасность.

— Что мы будем делать? — спросила она, и в её голосе прозвучала твёрдость, которой она сама от себя не ожидала. Теперь это было не только её дело. Это было их дело.

Арсений внимательно посмотрел на неё. В его взгляде, сквозь усталость, мелькнула искра чего-то похожего на уважение.

— Для начала — не хоронить это обратно, — сказал он. — Глинский теперь знает, что я что-то делаю в саду ночью. Он может нагрянуть с обыском. Надо разделить архив. Часть — вам. Часть — мне. Спрятать в разных местах. И... — он замолчал, прислушиваясь. Издалека, со стороны тропы, донёсся отдалённый, но недвусмысленный звук — лай собаки. Не радостный, а тревожный, предупреждающий.

— Вам пора, — резко сказал Арсений, гася лампу. — Берите это. — Он сунул ей в руки часть писем и фотографию Веры. — Спрячьте как можно лучше. И не возвращайтесь сюда, пока я не дам знак. Завтра, на рынке, в полдень, у лавки с пряностями. Если увижу вас — кивну. Если нет... значит, что-то случилось.

— А вы?

— Я прожил с этим шесть лет, — он попытался улыбнуться, и получилось страшновато. — Проживу ещё одну ночь. Теперь бегите. Не по тропе. Через виноградники вниз, к морю, и вдоль берега.

Он мягко, но настойчиво подтолкнул её в сторону чёрного провала между кустами. Лай становился всё ближе. Лица, прижав драгоценные бумаги к груди, кивнула и, не сказав больше ни слова, нырнула в темноту.

Бежать через ночной виноградник было страшно. Колючие лозы цеплялись за платье, под ногами хрустели камни. Она спотыкалась, падала, поднималась и бежала снова, пока наконец не почувствовала под ногами влажный песок, а в лицо не ударил солёный ветер с моря. Она остановилась, чтобы перевести дух, оглядываясь. На вершине мыса маяк мигал своим равнодушным ритмом. В доме Арсения по-прежнему было темно и тихо.

Она пошла вдоль кромки прибоя, холодная вода омывала её босые ноги (она где-то потеряла туфли). В руках она сжимала не просто бумаги. Она сжимала правду. И ответственность. И страх.

Когда она, промокшая и дрожащая, подкралась к дому тёти Маши, в её окне горел свет. Хозяйка, видимо, волновалась. Лица, крадучись, зашла через сад, в свою комнату. Она заперла дверь, включила свет и только тогда позволила себе выдохнуть.

Спрятать бумаги было негде. В комнате — лишь кровать, стул, комод. Она осмотрела подоконник — непрочно. Платье? Слишком опасно. И тогда её взгляд упал на книгу, которую она привезла с собой — толстый том Тургенева. Она быстро вырвала несколько десятков страниц из середины, аккуратно вложила туда письма и фотографию, а затем крепко перетянула книгу бечёвкой. Получился невзрачный, плотный кирпич. Она положила его на полку рядом с другими книгами — самая лучшая маскировка.

Только закончив, она услышала осторожный стук в окно. Сердце упало. Но это была не тётя Маша. За стеклом, прижав палец к губам, стоял Арсений. Его лицо было бледным, в глазах — тревога.

Она распахнула окно.

— Что случилось?

— Они были, — прошептал он, едва шевеля губами. — Два человека. С собакой. Обыскали сад, колодец. Ушли ни с чем. Но они теперь знают, что я что-то искал или прятал. За мной и за этим домом будут следить в оба. Вам нельзя здесь оставаться.

— Куда же мне деться?

Арсений на мгновение задумался.

— Вилла «Вера». Детская колония. Там есть врач, старый знакомый... Николай Игнатьевич. Он был другом Савельева. Он поможет. Скажите, что от Арсения. Завтра, с утра, будьте

там. Я... я попробую отвлечь их внимание. И Лика... — он впервые назвал её по имени, и это прозвучало неожиданно тепло. — Берегите книгу.

Не дожидаясь ответа, он растворился в ночи так же бесшумно, как и появился.

Лика закрыла окно, прислонилась лбом к прохладному стеклу. За окном была тихая, прекрасная, обманчивая ночь. А в её руках, в спрятанных между страниц классика, лежало прошлое, которое могло убить. И человек, который стал не просто «хранителем», а союзником. И, возможно, единственной нитью, связывающей её с дедом и с этой землёй, которая внезапно перестала быть просто точкой на карте, а стала частью её собственной истории.

Глава 4. Приют в колонии «Рассвет»

Утро пришло с густым туманом. Он стлался с моря, заволакивая кипарисовые аллеи и белые стены санаториев молочно-белой дымкой. Лика, уложив в простую холщовую сумку самое необходимое и заветный том Тургенева, вышла из дома тёти Маши до того, как хозяйка проснулась. На столе она оставила записку и деньги за неделю вперёд: «Уехала к знакомым в Геленджик, спасибо за гостеприимство». Ложный след был необходим.

Дорога к вилле «Вера» вела вверх, на высокий обрывистый берег, заросший колючим держидеревом и можжевельником. Туман скрадывал звуки, делая мир призрачным и беззвучным. Лика шла быстро, оглядываясь. Ей чудились шаги за спиной, но всякий раз, обернувшись, она видела лишь клубящиеся белые струи.

Вилла «Вера», несмотря на новое название «Колония здоровья «Рассвет» для ослабленных детей», всё ещё сохраняла следы былого изящества. Это было двухэтажное здание в мавританском стиле, с ажурными балконами, стрельчатыми окнами и высокой башенкой-бельведером, откуда, должно быть, открывался вид на всё побережье. Сейчас на фасаде висели строгие плакаты: «Чистота — залог здоровья!», «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!». Из открытых окон доносились детские голоса, смех, а где-то внутри кто-то неумело наигрывал на пианино гаммы.

Лику остановил у ворот сурового вида мужчина в косоворотке, явно сторож или комендант.

— Кого надо?

— Меня прислали к доктору Николаю Игнатьевичу, — сказала Лика, стараясь звучать уверенно. — От Арсения.

Имя подействовало. Сторож нахмурился, оценивающе оглядел её с головы до ног, потом кивнул.

— Проходи. Кабинет на втором этаже, в бывшей библиотеке. Только тише — у нас режим.

Внутри пахло карболкой, кашей и мокрыми полотенцами. По коридорам сновисто сновали санитарки в белых халатах. Мимо пробежала вереница ребятишек лет семи-десяти, загорелых, с коротко стриженными головами, на ходу застёгивая ситцевые рубашки. Их радостный гомон был таким естественным и живым на фоне той смертельной игры, в которую оказалась втянута Лика.

Кабинет доктора оказался просторной комнатой с потолками, расписанными под звёздное небо. Книжные шкафы до потолка были забиты медицинскими фолиантами, на столе в беспорядке лежали стетоскоп, кипа бумаг и стеклянная банка с чем-то похожим на морских ежей. У окна, спиной к двери, стоял мужчина в белом халате. Он был высок и сухопар, с седой, коротко подстриженной щёткой волос.

— Доктор Николай Игнатьевич? — тихо спросила Лика.

Мужчина обернулся. У него было худое, интеллигентное лицо с умными, уставшими глазами за круглыми очками в стальной оправе. Взгляд его был пронизательным и, как показалось Лике, настороженным.

— Я. А вы кто будете?

— Меня зовут Лика Орлова. Меня... прислал Арсений Волков. Сказал, что вы поможете.

Имя «Орлова» заставило доктора вздрогнуть почти так же, как вчера — Арсения. Он быстро перевёл взгляд на дверь, убедился, что она закрыта, и сделал шаг вперёд.

— Орлова? Павел Николаевич вам... кто?

— Внучка.

Доктор медленно выдохнул. Он снял очки, протёр их платком, снова надел.

— Так, — произнёс он тихо. — Значит, колесо повернулось. Садитесь, голубушка. Рассказывайте. И говорите тише.

Лика вкратце, опуская детали, изложила суть: дневник, поиски, встречи с Арсением, архив, преследование Глинского. Николай Игнатьевич слушал, не перебивая, лишь иногда по его лицу пробегала тень боли или гнева. Когда она закончила, он подошёл к шкафу, достал графин с водой и налил два стакана. Руки у него слегка дрожали.

— Арсений прав. Вам нельзя было оставаться в городе. Глинский... он паук. У него сеть повсюду. Осведомители, мелкие чиновники, бывшие солдаты, которым он сделал «одолжение». Он не мог не узнать о приезде москвички, интересующейся историей. — Он отпил воды. — А то, что вы пошли прямо к Волкову... это была смелость, граничащая с безумием. К счастью, пока живым.

— Вы знали моего деда? И Веру?

— Знал, — поправил он, и голос его дрогнул. — И Павла Николаевича, и Веру. Это были... лучшие люди. Идеалисты в самое неидеальное время. Я был просто врачом. Лечил детей, старался не лезть в политику. Но их кружок... он был другим. Они не болтали о высоком — они действовали. Спасали людей. А я... я лечил тех, кого они приводили: раненых, больных, истощённых. Моя вила стала лазаретом. А потом... потом всё рухнуло.

Он помолчал, глядя в окно, где туман начинал редеть, открывая лоскутки ярко-синего моря.

— Глинский подобрался к ним вплотную. Он был опасен не тупой жестокостью, а холодным, расчётливым умом. Он понимал, что сеть Павла и Веры — это готовый компромат на него самого. Он ведь не просто злоупотреблял — он продавал места в эвакуационных списках, конфисковывал имущество «врагов» в свой карман. Павел собрал на него досье. И Глинский решил уничтожить не только досье, но и всех, кто его составлял. Засада у горного перевала... это его работа. Он специально дал уйти конвою, чтобы потом устроить бойню и списать всё на «зелёных» бандитов.

— А Вера? — прошептала Лика.

— Её взяли живой, — твёрдо сказал доктор. — Я уверен. У Глинского был свой план. Он хотел сломить её, заставить дать показания против всех остальных, чтобы легализовать

свои преступления как «борьбу с контрреволюционным заговором». Павел пошёл на обмен. Глинский согласился, потому что это был идеальный шанс разом покончить со всеми. Но Павел был умнее. Он предусмотрел ловушку и сам подготовил свою. У него был козырь — те самые признания Глинского. Он надеялся, что страх перед разоблачением заставит того отступить. Не заставил. — Доктор горько усмехнулся. — Глинский решил рискнуть. Он верил, что сможет всё найти и уничтожить. И почти преуспел. Павел исчез. Арсений был ранен и сломлен. Архив считался утерянным. А Вера... о Вере больше никто не слышал.

— Но теперь Глинский вернулся. И он знает, что архив не утерян. Что Арсений его хранит.

— Да. И теперь вы в центре этого урагана. — Доктор посмотрел на неё прямо. — Вам нужно исчезнуть. Настояще. Не просто уехать в Геленджик, а раствориться. У меня есть... возможности. Можно устроить вас сюда, в колонию. Временно. Санитаркой. Под другим именем. Дети, режим, замкнутая территория — здесь вы будете в относительной безопасности. А я попробую связаться с кое-кем... с людьми, которые могут знать что-то о судьбе Павла. И Веры.

Ли́ка почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха, а от предчувствия.

— Какие люди?

— Те, кого спасли ваши дед и Арсений. Они разбросаны по всему побережью. Молчат. Боятся. Но если узнать, что внука Павла в опасности... некоторые, возможно, решатся заговорить. — Он встал. — Решайте. Сейчас. Вариантов немного.

Ли́ка взглянула на свою сумку, где лежала книга с письмами. Она привезла сюда не только свою жизнь, но и надежду на правду. Уезжать, прятаться, бросать Арсения одного с Глинским?

— А что с Арсением? Он в опасности.

— Арсений — выносливый, как старый корень, — сказал доктор, но в его глазах мелькнула тревога. — Он прожил с этим шесть лет. У него свои способы. Но ваше присутствие рядом делает его уязвимым. Вы — слабое место. Разъединившись, вы дадите ему возможность манёвра. И себе — шанс выжить.

Логика была железной. И беспощадной.

— Хорошо, — тихо сказала Ли́ка. — Я остаюсь.

— Умное решение. Теперь слушайте. Ваше новое имя — Лидия Николаевна Белова, фельдшерица из Ростова, направленная сюда на практику. Заблудилась в тумане, потеряла документы, временно устраиваюсь на работу. Я всё оформлю. Вы будете помогать в процедурном кабинете и присматривать за младшей группой после обеда. Жить будете здесь же, в комнате при кабинете. Выход за территорию — только с моего разрешения. Понятно?

Ли́ка кивнула. Её мир за сутки сузился до размеров санаторного корпуса, а она сама превращалась в другого человека. Это было страшно. И неизбежно.

Перевоспложение заняло несколько часов. Форменное платье санитарки, белый халат, тугой пучок волос под марлевой косынкой. Николай Игнатьевич представил её персоналу как временную замену заболевшей сотруднице. Коллектив, занятый хлопотами, принял её без особых вопросов.

Первый день прошёл в тумане новой реальности. Процедурный кабинет, запах спирта, детские слёзы от уколов, раздача рыбьего жира, бесконечная стерилизация инструментов. Физическая усталость была благом — она не оставляла сил на панику. Лишь вечером, остав-

письма — просто держала её в руках, как талисман.

За окном горели огни маяка. Где-то там был Арсений. Что он делает? Жив ли? Чувство вины грызло её. Она принесла с собой бурю.

На второй день, во время послеобеденного отдыха младшей группы, она сидела на веранде, наблюдая, как дети под присмотром воспитательницы лепят из глины. К ней подошла девочка лет восьми, с огромными, слишком взрослыми глазами.

— Тётя Лида, а вы почему всё на море смотрите?

— Оно красивое, — улыбнулась Лика.

— Моя мама тоже любила на море смотреть, — серьёзно сказала девочка. — Она говорила, что по нему можно уплыть в гости к солнцу.

— А где твоя мама теперь?

Девочка пожала плечами.

— Уехала. Надолго. Я живу тут. Меня зовут Настя.

Лика погладила её по стриженной голове, и сердце сжалось от внезапной нежности и боли. Сколько таких Насть, разлучённых с семьями войной и революцией, находили приют здесь, на бывшей вилле «Вера»? Ирония судьбы: место, где когда-то спасали беглецов, теперь спасало их детей.

Вечером Николай Игнатьевич вызвал её к себе.

— Есть кое-какие вести, — сказал он, когда дверь закрылась. — Осторожные. От Арсения. Он жив. Дал знать через рыбака. Глинский усилил наблюдение, но пока не решается на открытый штурм. Боится скандала. Ищет архив. Арсений играет с ним, делает вид, что что-то прячет в разных местах города, водит по ложным следам. Это рискованная игра, но она оттягивает время.

— А что нам делать?

— Ждать. И копать. — Доктор достал из стола старую, потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте. — Это дневник моей работы. 1919-1922 годы. Там есть имена, даты, диагнозы. И кое-какие... пометки на полях. О тех, кого я лечил. Возможно, там есть ключ к тому, кто мог предать тогда, в двадцатом. Кто был осведомителем Глинского. Если мы найдём этого человека, мы сможем понять, как действует Глинский сейчас. И, может быть, найти его слабое место.

Он протянул книжку. Лика взяла её как нечто сакральное.

— Почему вы мне доверяете? — спросила она.

— Потому что вы — плоть от плоти Павла Николаевича, — просто ответил доктор. — И потому что в ваших глазах та же решимость, что была у него. Только будьте осторожны. Не делайте заметок в этом экземпляре. Переписывайте в отдельную тетрадь только нужное. И сжигайте черновики.

Ночью, при свете коптилки (электричество в колонии выключали в десять), Лика погрузилась в расшифровку врачебного почерка. Сухие строчки: «К.Д., 12 лет. Дистрофия, педикулёз. Поступил с матерью, беженцы из Екатеринодара...», «Женщина, 25-30 лет, огнестрельное ранение плеча. Без документов. Доставлена ночью, представилась «Верой от Арсения»...» Лика замерла. Это была она. Та самая Вера. Запись от 14 октября 1920 года. Ранение. Значит, после засады она была жива и смогла добраться сюда! Лика лихорадочно пролистала дальше.

Следующая запись о «Вере» датирована 20 октября: «Состояние удовлетворительное. Рана чистая. Просит не сообщать о себе брату (А.В.), опасается за его безопасность. Говорит о готовящемся обмене. Просила передать записку П.Н. через рыбака Фёдора.»

Потом — пустота. Больше записей о Вере нет. Что случилось между 20 октября и роковой встречей у генуэзской башни? Куда делась записка? Кто такой рыбак Фёдор?

Ли́ка делала выписки, мозг работал с лихорадочной скоростью. Она вышла из-за стола, подошла к окну. Ночь была ясной, туман полностью рассеялся. Маяк мигал ровно. И вдруг она увидела нечто, отчего кровь застыла в жилах.

Внизу, у самого забора колонии, в тени огромного кипариса, стояла фигура. Высокая, в тёмном пальто и шляпе. Он не двигался, просто стоял и смотрел на освещённые окна второго этажа, где был кабинет доктора. Его лицо было в тени, но осанка, силуэт — это был тот самый человек в котелке. Глинский. Или его человек.

Он знал. Или догадывался. Он вычислил, что она может быть здесь.

Ли́ка отпрянула от окна, прижавшись спиной к стене. Сердце бешено колотилось. Он ещё не решался войти на охраняемую территорию детского учреждения. Но давление могло усилиться. У него могли быть «свои» люди и здесь.

Тихо, стараясь не шуметь, она спрятала дневник доктора и свои записи под матрас, погасила свет и легла в кровать, не раздеваясь. Глаза в темноте были широко открыты.

Она думала о Насте, о её матери, «уехавшей надолго». Думала о Вере, чья судьба обрывалась здесь, в этих стенах. Думала о деде, шагнувшем в ночь, чтобы спасти других. Думала об Арсении, который водил по ложным следам человека, способного на всё.

Забор был ненадёжной защитой. Детская колония не была крепостью. Глинский ждал. И она поняла, что больше не может просто ждать и прятаться. Нужно было действовать. Первым.

Её пальцы нащупали в темноте переплёт книги Тургенева. Правда была внутри. И она становилась единственным оружием в войне, которая только начиналась. Войне за память. И за жизнь.

Глава 5. Рыбак и тени

Утро после бессонной ночи было ясным и обманчиво спокойным. Ли́ка, выполняя свои новые обязанности, механически раздавала в столовой тёплую манную кашу, но мысли её были там, за окном, где в тени кипариса уже никого не было. Глинский ушёл, но ощущение его присутствия витало в воздухе, как запах грозы перед дождём.

Во время перерыва она нашла Николая Игнатьевича в его кабинете. Он стоял у окна, напряжённо всматриваясь в даль.

— Вы видели? — спросила она без предисловий.

— Видел, — кивнул доктор, не оборачиваясь. — Он проверяет периметр. Ищет слабые места. Пока не решился на большее. Но его терпение небесечно.

— В вашем дневнике... я нашла запись о Вере. И о рыбаке Фёдоре. Он мог бы что-то знать?

Доктор обернулся, и в его глазах мелькнула надежда, смешанная с опасением.

— Фёдор... Да, старый рыбак. Он возил Павла и Арсения на своей лодке, передавал записки. Честный, как морская соль. Но после всего... после исчезновения Павла он замкнулся. Боится. Говорит, что за ним тоже следили. Он живёт на самом краю посёлка, у Сухого лимана. Добраться до него незаметно — задача не из лёгких.

— А если попробовать? Через вас?

— Я не могу уйти из колонии надолго. Меня сразу заметят. А ваше отсутствие вызовет ещё больше вопросов. — Он задумался. — Но есть один день... завтра. Воскресенье. После обеда у меня обычно нет приёма. Я могу сказать, что еду в город за медикаментами. А вы... вам нужно будет придумать убедительную причину, чтобы отлучиться на пару часов. И быть невероятно осторожной.

План был рискованным, но других вариантов не было. Лика весь день прожила в нервном напряжении, стараясь не выдать своих мыслей. Она играла с детьми, помогала перевязывать ссадины, и всё время ловила на себе чей-то пристальный взгляд. То ли это ей мерещилось, то ли в колонии действительно был чужой. Воспитательница Марфа, суровая женщина с бегающими глазками? Или новый дворник, который слишком часто появлялся под окнами её комнаты?

Вечером, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая море в медные тона, произошло нечто неожиданное. К воротам колонии подошла маленькая, щуплая девочка лет девяти — не из их воспитанников. Она что-то спросила у сторожа, и тот, кивнув, указал ей на Лику. Девочка подбежала, протянула смятый бумажный треугольник.

— Дядя Арсёша просил передать. Только никому не показывать.

Сердце Лики ёкнуло. Она сунула записку в карман халата, улыбнулась девочке и дала ей яблоко из своей порции. Та, счастливая, убежала.

В уединении своей комнаты Лика развернула клочок бумаги. Почерк был неровным, писали, видимо, левой рукой: «Всё спокойно. Не волнуйся. Рыжий кот на птичьем рынке знает, где искать старые сети. Будь осторожна как никогда. А.»

Код. Явный код. «Рыжий кот» — возможно, сам Фёдор (рыжий? кот — ловец рыбы?). «Птичий рынок» — место в городе, где торговали живностью. «Старые сети» — намёк на прошлое, на связи. Арсений давал ей направление и предупреждал. Значит, он знал о её планах или просто предполагал, что она будет действовать. И он нашёл способ связаться.

Эта маленькая записка, пахнувшая красками и табаком, придала ей сил. Она не одна. Он думал о ней.

На следующее утро, в воскресенье, Лика под предлогом сильной головной боли (в чём не было неправды) попросила у Марфы разрешения прогуляться на свежем воздухе — якобы в пределах парка. Суровая воспитательница буркнула что-то невразумительное, но не стала препятствовать. Выйдя из ворот, Лика быстро свернула в первую же попавшуюся узкую улочку, ведущую вниз, к морю. На ней было простенькое ситцевое платье и платок, скрывавший характерную причёску. Она старалась идти не спеша, как местная жительница, идущая по своим делам.

Птичий рынок оказался шумным, пёстрым местом на окраине города. Здесь торговали не только курами и гусями, но и кроликами, козами, щенками. Воздух гудел от голосов, сме-

шался запах сена, навоза и пыли. Лика, растерянно озираясь, искала «рыжего кота». И вдруг увидела. У самого дальнего ряда, прислонившись к телеге, стоял высокий, жилистый старик в выгоревшей до рыжевы рубахе и просмоленных штанах. Его лицо, обветренное и морщинистое, как старая кора, было безразличным, но глаза, маленькие и острые, как у чайки, внимательно скользили по толпе. Рядом на земле сидел огромный рыжий кот, невозмутимо умывавший лапу.

Лика, сделав глубокий вдох, подошла.

— Извините... вы не подскажете, где тут можно купить старые сети? Для... для ремонта.

Старик медленно перевёл на неё свой птичий взгляд. Он молча смотрел на неё несколько секунд, будто сличая с каким-то внутренним образом.

— Старые сети только у Фёдора, на Сухом лимане, — наконец произнёс он хриплым, пропитанным солью и ветром голосом. — Но он их не продаёт. Только меняет. На новости.

— Какие новости?

— Про старую лодку. Про ту, что потерялась в двадцатом году и никак не может причалить.

Лика поняла, что говорит правильно.

— Я слышала, что её ищут. И что на ней мог быть ценный груз.

Глаза старика сузились ещё больше. Он кивнул почти незаметно.

— Иди вдоль берега лимана. К последней хате, где чайки гнездятся на крыше. Стучи в дверь три раза, потом два. Скажешь, что от Арсёша с маяка. Больше ни слова на улице.

Он отвернулся, делая вид, что проверяет упряжь у своей лошади. Разговор был окончен.

Дорога к Сухому лиману заняла ещё полчаса быстрой ходьбы. Это было заброшенное, безлюдное место. Вода в лимане была неподвижной и тёмной, берега поросли колючим кустарником. Последняя хата действительно была самой крайней — маленькая, покосившаяся, крытая камышом, на котором десятки чаек устроили шумную колонию.

Лика, оглянувшись по сторонам, постучала: три раза, потом два. Долго ничего не происходило. Потом дверь приоткрылась на цепочку, и в щель блеснул настороженный глаз.

— Кого надо?

— От Арсёши с маяка, — прошептала Лика.

Цепочка с лязгом упала, дверь открылась. Внутри было темно и пахло рыбой, дымом и старостью. Фёдор — а это, несомненно, был он — оказался невысоким, коренастым человеком с лицом, вырезанным из дуба, и руками, покрытыми шрамами и татуировками от старых укулов рыболовными крючками. Он молча пропустил её внутрь, быстро выглянул на улицу и закрыл дверь.

— Говори, — коротко бросил он, не предлагая сесть. — Мало времени. У меня тоже могут быть гости.

Лика, стараясь быть максимально краткой, изложила суть: кто она, что ищет, что нашла в дневнике доктора про записку, которую Вера просила передать через Фёдора её деду.

Старик слушал, не двигаясь, только его глаза становились всё мрачнее.

— Записку... да, была, — наконец сказал он. — От Веры Павловны. Маленькая, свёрнутая в трубочку. Я должен был отдать Павлу Николаевичу на их встрече у башни. Но... я не успел.

— Почему?

— Меня перехватили. Двое. Не местные. Сказали, что от Глинского. Забрали записку. А мне сказали, что, если хоть слово кому — найдут в сетях с проломленной головой. — Он провёл рукой по лицу. — Я испугался. У меня тогда семья была, маленькие дети... Я молчал. А наутро узнал, что Павел Николаевич пропал, Арсений ранен... И я понял, что из-за того, что я струсил, всё пошло прахом.

В его голосе была горечь, копившаяся годами.

— А что было в записке? Вы не знали?

— Нет. Но Вера Павловна, когда передавала, сказала одно слово: «Берегите Сашу». Я думал, это про кого-то из тех, кого они прятали. А потом... потом уже после всего, я слышал шёпот, что у Веры Павловны... мог быть ребёнок. Тайно. От доктора Савельева, её мужа. Он погиб раньше, в девятнадцатом. Если ребёнок был, его надо было прятать от Глинского вдвойне. — Он посмотрел на Лику. — Может, «Саша» — это и есть тот ребёнок.

Новая тайна. Ребёнок Веры. Возможно, живой свидетель, наследник. Если Глинский узнал о нём тогда, из записки... это объясняло бы его ярость и желание замести все следы. Ребёнок — это не только свидетель, но и символ, вокруг которого могли объединиться те, кто остался верен памяти родителей.

— И что... что с этим ребёнком? Куда он мог деться?

Фёдор пожал плечами.

— Кто знает. Могли увезти, спрятать в детдом под чужим именем... или... — он замолчал. — В колонии, где ты сейчас. Там много детей без родителей. Доктор Николай, он добрый. Он мог взять такого, чтобы спасти.

Мысль ударила, как обухом. Настя? Девочка с взрослыми глазами, которая сказала, что мама «уехала надолго»? Или кто-то другой? В колонии было три десятка детей.

— Вам нужно вернуться, — прервал её размышления Фёдор. — И передай Арсёше... пусть он знает, что старые сети ещё целы. И что я... что я готов помочь. Чем смогу. Теперь у меня нечего бояться. Дети выросли, разъехались. Пора долги отдавать.

Он сунул ей в руку маленький, заточённый в дерево рыболовный крючок.

— Это наш знак. Если будет нужна помощь — кинь этот крючок в щель под крыльцом докторского дома. Я узнаю.

Лица крепко сжала крючок в ладони, поблагодарила и, оглядевшись, выскользнула из хаты. Обратная дорога казалась ей вдвое длиннее. Каждый шорох, каждый встречный взгляд заставлял вздрагивать. Она думала о Саше. О ребёнке, ставшем разменной монетой в чужой игре. И о том, что этот ребёнок мог быть сейчас совсем рядом.

Вернувшись в колонию как раз перед ужином, она увидела, что Николай Игнатьевич уже вернулся. Их взгляды встретились — он вопросительно поднял бровь. Она едва заметно кивнула: да, всё в порядке.

Вечером, когда дети уснули, она прокралась в его кабинет и тихо рассказала о встрече с Фёдором, об украденной записке, о возможном ребёнке Веры. Доктор слушал, бледнея. Когда она закончила, он опустил в кресло, снял очки.

— Ребёнок... — прошептал он. — Да, были слухи. Вера скрывала беременность. Боялась, что это сделает её уязвимой. Роды были... тайными. Помогали мы с акушеркой, которая уже умерла. Девочка. Родилась в конце лета 1919-го. Мы окрестили её Александрой — Сашей. Потом... потом Вера прятала её у дальних родственников мужа в станице. После гибели Савельева и начала всей этой истории с беженцами, Вера забрала девочку и привезла сюда, на виллу. Но когда Глинский начал охоту, ей пришлось... отдать ребёнка. Чтобы спасти.

— Кому? — едва выдохнула Лика.

— Бездетной семье рыбаков в соседней бухте. Они уехали почти сразу. Я не знал, куда именно. Думал, навсегда. Но если Фёдор прав, и Глинский узнал о ребёнке из записки... — Он вскочил. — Боже мой. Он мог их найти. Или... или он уже нашёл. И использует как приманку или как рычаг давления.

Ледяной ужас сковал Лику. Если Глинский держал где-то Сашу, дочь Веры, то у него была абсолютная власть над Арсением. Дядя ничего не сделает, если племянница в заложниках.

— Нам нужно найти её, — сказала Лика. — Доктор, вы должны вспомнить всё. Имена, приметы, куда они могли податься.

— Я попробую, — пообещал он, но в его голосе слышалась безнадежность. — Но прошло семь лет. След остыл.

В ту ночь Лика снова не сомкнула глаз. Она лежала и смотрела в потолок, перебирая в уме лица детей из колонии. Настя... тёмные глаза, светлые волосы. Вера на фотографии была светловолосой. Возможно... но нет, Насте восемь, а Саше должно быть около семи. Не совпадает.

Утром, во время завтрака, она наблюдала за детьми с новым, пристальным вниманием. Мальчик с упрямым подбородком, похожий на Арсения? Девочка с ямочками на щеках, как на миниатюре в медальоне? Все казались и похожими, и нет.

После завтрака к ней подошла Настя и, ничего не говоря, положила в ладонь маленький, плоский камушек, отполированный морем до зеркального блеска.

— Это чтобы вам не было грустно, — серьёзно сказала она и убежала.

Лика сжала камень в кулаке, и внезапное, острое чувство ответственности за всех этих детей пронзило её. Она не могла позволить Глинскому разрушить и этот хрупкий мир.

В полдень, когда солнце стояло в зените, а колония погрузилась в послеобеденную тишину, она вышла в сад под предлогом проветриться. И почти сразу увидела его. На скамейке у дальнего забора, в тени акации, сидел Арсений.

Он был в той же рабочей рубашке, лицо осунулось ещё больше, под глазами — тёмные круги. Но увидев её, он улыбнулся — короткой, усталой, но настоящей улыбкой. Она подошла, села рядом, не глядя на него, чтобы не привлекать внимания.

— Как ты проник? — прошептала она.

— Через дыру в заборе со стороны огорода. Знаю все ходы. — Он помолчал. — Фёдор нашёл меня. Рассказал. Про записку. Про... ребёнка.

— Ты знал?

— Подозревал. Вера писала мне туманные намёки в последних письмах. Но я не был уверен. А теперь... теперь я уверен. И знаю, что Глинский об этом знает. Это меняет всё.

— Что ты собираешься делать?

— То, что должен был сделать давно. Не прятаться. А нападать. — Его голос стал твёрдым, каким она ещё не слышала. — У меня есть план. Но для него мне нужен доступ к архивным документам окружного исполкома за 1920-1921 годы. Особенно — к финансовым отчётам особого отдела. Там должна быть ахиллесова пята Глинского — деньги, которые он присвоил. Если мы найдём доказательства, мы сможем шантажировать его его же оружием. Или передать куда следует.

— Но как туда попасть? Это же режимный объект.

— Через человека. Есть одна машинистка... Мария Семёновна. Она работала там ещё при Глинском. Ненавидит его. Боится. Но если правильно подойти... Я не могу. Меня знают в лицо. А ты... ты новая. Ты можешь под видом журналистки, пишущей о работе советских учреждений в восстановительный период...

Он изложил план быстро, чётко. Лика слушала, и её охватывало странное чувство — смесь страха и азарта. Они перестали быть охотником и добычей, свидетелем и хранителем. Они стали союзниками. Партнёрами.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю это.

— Завтра, в обеденный перерыв. Я дам тебе адрес и пароль. — Он встал. — А теперь мне нужно уходить. Будь осторожна. И... спасибо.

Он взял её руку — быстро, почти неловко — и сжал её. Его пальцы были тёплыми и шершавыми. Потом отпустил и, не оглядываясь, зашагал к зарослям малины, где, видимо, была та самая дыра в заборе.

Лика осталась сидеть, глядя ему вслед, чувствуя на своей ладони тепло его прикосновения. Ветер донёс с моря запах водорослей и свободы. Они затеяли опасную игру. Но впервые за все эти дни она чувствовала не парализующий страх, а ясную, холодную решимость. И что-то ещё, тёплое и трепетное, что начинало биться в такт с мигающим вдали огнём маяка. Что-то, ради чего стоило рискнуть всем.

Глава 6. Бумажный след

Утро понедельника встретило Анапу свежим бризом и криками чаек. Лика, надев своё самое строгое платье — тёмно-синее, почти черное, с белым воротничком, — и собрав волосы в тугой узел, выглядела как примерная советская служащая. В кармане лежала записка от Арсения с адресом и паролем: «Мария Семёновна. Улица Горького, 17, кв. 4. Скажите: «Привезла гостинец от тёти Кати из Геленджика». Она вас узнает».

Выйти из колонии оказалось проще, чем она ожидала. Николай Игнатьевич дал ей официальную справку, что санитарка Белова направляется в город за медикаментами. У ворот сторож лишь кивнул, привыкший к подобным отлучкам персонала.

Улица Горького оказалась тихой, застроенной невысокими домами с палисадниками. Квартира 4 была на первом этаже. Лика постучала. Дверь открыла пожилая женщина в тщательно заштопанном, но чистеньком платье и с очками на кончике носа. Её лицо было изрезано морщинами, но глаза — острые и умные.

— Я к Марии Семёновне. Привезла гостинец от тёти Кати из Геленджика.

Женщина мгновенно насторожилась. Она быстро огляделась по сторонам, потом отступила, пропуская Лику внутрь.

Комнатка была крошечной, но идеально чистой. На столе под кружевной салфеткой стоял самовар, на стенах висели вышивки и единственная фотография — молодой мужчина в солдатской форме.

— Садитесь, — тихо сказала Мария Семёновна. — Арсений предупредил. Говорите, что нужно.

Лица, опуская детали, объяснила: ей нужен доступ к архивным документам особого отдела за 1920-1921 годы, особенно к финансовым отчётам. Женщина слушала, не перебивая, лишь пальцы её, лежавшие на коленях, слегка подрагивали.

— Это опасно, — наконец произнесла она. — Очень. Архив теперь под замком. Ключ у заведующего, Ивана Петровича. Он... он человек Глинского. По крайней мере, боится его как огня.

— Но вы же работали там машинисткой. У вас должны остаться какие-то копии, черновики? Хотя бы номера дел, описи?

Мария Семёновна задумалась. Потом встала, подошла к старому комоду, выдвинула нижний ящик. Под стопкой белья лежала папка из плотного картона. Она достала её, смахнула невидимую пыль.

— Когда Глинский уезжал в 21-м, он приказал уничтожить все черновики и копии. Я... я не смогла. Это была история. Люди, судьбы. Я прятала по листочку. Потом собрала. — Она открыла папку. Внутри лежали аккуратно подшитые листки с машинописным текстом, некоторые — с пометками от руки. — Здесь не всё. Только то, что казалось важным. Приказы о расходах, списки конфискованного имущества, ведомости на выдачу денег агентам. И одно дело... дело на Павла Орлова. Оно было заведено Глинским за день до его исчезновения. По обвинению в растрате.

Лица с замиранием сердца взяла папку. Она начала листать. Сухой канцелярский язык, штампы, печати. Но между строк проступала чудовищная картина: суммы, выделенные на «оперативные нужды», которые в несколько раз превышали реальные расходы; списки конфискованного имущества (драгоценности, иконы, мебель), которое исчезало бесследно; донесения агентов с явно вымышленными фамилиями.

— Вот, — Мария Семёновна ткнула пальцем в одну из ведомостей. — Выдача агенту «Сокол» пятидесяти тысяч рублей на «вербовку информационной сети». Подпись — Глинский. А вот здесь, через неделю, — она перевернула страницу, — рапорт о провале сети и гибели агента «Сокол». Деньги списаны. Но я помню этого «Сокола». Молодой парень, комсомолец. Он действительно погиб. Но не при вербовке. Его нашли в порту с проломленной головой. Говорили, ограбили. А деньги... деньги, я подозреваю, осели тут.

Она указала на другую строку — перевод на личный счёт в московском банке на имя некоего Сергея М. Глинского.

— Это алиби, — прошептала Лица. — Он создавал видимость работы, а сам выкачивал деньги. И когда дед начал копать...

— Он решил убрать его. Но Орлов был умнее. Он собрал свой компромат. И Глинский, чтобы опередить его, завёл это дело о растрате. Доказательств не было, но для ареста и давления хватило бы.

Лика продолжала листать. И вдруг её взгляд упал на знакомое имя в списке конфискованного имущества: «Вилла «Вера», владелец — вдова доктора Савельева В.П. Конфисковано по постановлению особого отдела от 15.10.1920. Оценена в 75 000 руб. Передано в распоряжение отдела».

«15 октября» — за несколько дней до засады и исчезновения Веры. Глинский конфисковал её дом, пока она ещё была жива. Он заранее делил шкуру неубитого медведя.

— Мне нужно скопировать эти страницы, — сказала Лика. — Хотя бы ключевые.

— Нет времени, — покачала головой Мария Семёновна. — Берите папку. Я не смогу хранить её дальше. Я... я уезжаю к сестре в Ставрополь. Уже билет взяла. Слишком много страху натерпелась. Только обещайте... обещайте, что это послужит делу. Чтобы такие, как он, не оставались безнаказанными.

Лика посмотрела в её уставшие, но полные решимости глаза.

— Обещаю.

Она спрятала папку в свою холщовую сумку, под слои ткани и покупок из аптеки (она всё-таки купила бинты и йод для отвода глаз). Прощаясь, Мария Семёновна крепко сжала её руку.

— Удачи вам, голубушка. И скажите Арсению... что мы не зря верили.

Обратный путь был наполнен тревогой. Каждый прохожий казался возможным агентом Глинского. Она шла не прямым маршрутом, а петляла по узким улочкам, заходила в магазины, теряясь в толпе.

И всё же, когда она уже подходила к колонии, её настигло неприятное ощущение — чувство слежки. Обернувшись, она никого подозрительного не увидела. Но это ничего не значило.

В колонии её встретил взволнованный Николай Игнатьевич.

— Где ты была? Тут спрашивали.

— Кто?

— Из исполкома. Два человека. Проверяли документы на персонал. Особенно интересовались новыми. Я показал твою справку, они что-то записали. Сказали, будут уточнять в Ростове. Это они, Лика. Глинский начинает официальную проверку. Он ищет тебя.

Холодок страха пробежал по спине. У них было мало времени.

— Я нашла кое-что, — она показала на сумку. — Доказательства. Но их нужно обобщить, составить связное досье.

— Делай это сегодня. Ночью. А я попробую связаться с одним человеком в краевом комитете. Старый товарищ. Чистый. Если предъявить ему факты...

Они договорились встретиться поздно вечером, после отбоя. Лика ушла в свою комнату, заперлась и разложила документы на столе. Работа закипела. Она выписывала даты, суммы, имена, сопоставляла факты. Картина вырисовывалась чёткая и ужасающая: Глинский за два года работы в Анапе присвоил не менее полумиллиона рублей по тогдашнему курсу — огромные деньги. И для прикрытия использовал мнимые операции, фиктивных агентов, а реальных людей отправлял на смерть или объявлял врагами.

Среди бумаг она нашла и тот самый донос на Павла Орлова — бредовый, составленный на основании показаний «анонимного свидетеля». И резолюцию Глинского: «Завести дело. Установить слежку.»

Она писала, забыв о времени, пока за окном не стемнело и не замигал огонёк маяка. И вдруг — тихий стук в окно. Тот же ритм: три раза, потом два.

Арсений. Он сидел на корточках под окном, его лицо было напряжённым.
— Открой. Быстро.

Она открыла окно. Он перелез через подоконник, оказался в комнате. Он был бледен, дышал часто.

— Всё кончено. Они пришли ко мне. Сегодня вечером. Трое. С ордером на обыск. Искали «крамольную литературу и ценности, нажитые преступным путём». Обыскали весь дом. К счастью, я успел перепрятать оставшуюся часть архива в другом месте. Но они забрали все мои картины. Все. Даже незаконченные. Сказали — «для экспертизы». Это предлог. Глинский хочет меня раздавить морально. А завтра... завтра, я думаю, придут за мной.

— Зачем ты тогда пришёл сюда? Тебя могли увидеть!

— Чтобы предупредить тебя. И чтобы отдать вот это. — Он сунул ей в руки маленький, плоский футляр от красного дерева. — Это последнее. Письмо Веры, которое она написала мне перед... перед последним заданием. И её обручальное кольцо. Если со мной что-то случится, ты должна найти Сашу. И отдать ей это. Как память о матери.

Лица сжала футляр. Сердце рвалось на части.

— Ничего не случится. У нас есть доказательства. Досье на Глинского. Мы можем бороться.

— Досье? — в его глазах вспыхнула надежда. — Покажи.

Она показала ему свои наброски, выписки из папки Марии Семёновны. Арсений читал быстро, жадно, и по мере чтения его лицо оживало.

— Это... это больше, чем я надеялся. Это пушка. Но её нужно зарядить и выстрелить вовремя. Если Глинский успеет меня арестовать и объявить сумасшедшим, никто не станет слушать его «бредни». Нам нужно действовать завтра же. С утра.

— Как?

— У Николая Игнатьевича есть связи в краевом комитете. Нужно, чтобы он отправил телеграмму с просьбой о срочной встрече и приложил копии ключевых документов. Оригиналы мы спрячем. А я... я пойду в исполком сам. Вызову Глинского на разговор. При всех. Буду говорить громко, чтобы слышали. Обвиню его в коррупции и убийствах. Это отвлечёт внимание, создаст шум. И даст вам время для манёвра.

— Это самоубийство! — прошептала Лица.

— Это тактика, — он попытался улыбнуться. — У меня есть козырь. Я знаю, где он хранит свои главные сокровища. Не деньги — документы. Компромат на своих же начальников, который он собирал все эти годы для своей защиты. Если я намекну, что знаю это место, он не решится меня просто убить. Он будет пытаться договориться. И это даст нам время.

Он посмотрел на неё. И в его взгляде была не только решимость, но и что-то нежное, бережное.

— Ты должна уехать. Как только досье будет передано. Уехать и не оглядываться.

— Нет, — твёрдо сказала Лика. — Я остаюсь. Я начала это дело. И я его закончу. Вместе с тобой.

Он хотел возразить, но слова застряли у него в горле. Вместо этого он взял её лицо в свои ладони — осторожно, как драгоценность. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми.

— Лика... — прошептал он. — Ты не знаешь, как ты изменила всё. За эти несколько дней. Я шесть лет был тенью. А ты вернула меня к жизни. Даже если всё это закончится плохо... спасибо.

И он поцеловал её. Мягко, почти несмело, как будто боялся расплескать то хрупкое, что возникло между ними. Это был поцелуй, полный горечи, страха и надежды. Поцелуй прощания и обещания одновременно.

Когда он отпустил её, в его глазах стояли слёзы.

— До завтра, — сказал он. — На рассвете.

И так же бесшумно, как появился, исчез в ночи.

Лика стояла посреди комнаты, касаясь пальцами губ, где ещё оставалось тепло его прикосновения. За окном мигал маяк. Ночь была короткой. Утром начиналась война.

Она спрятала футляр с письмом и кольцом в самую глубь своей сумки, вместе с папкой Марии Семёновны. Потом села за стол и с новым рвением принялась за досье. Теперь она писала не только ради правды о деде. Она писала ради человека, который стал ей дороже самой жизни. Ради его сестры, пропавшей без вести. Ради девочки Саши, чья судьба была неизвестна. Ради всех, кого сломала машина лжи и страха.

Рассвет застал её за столом. Последняя точка была поставлена. Досье лежало перед ней — тридцать страниц убогистого текста, с датами, фактами, цифрами. Оружие было готово.

Она встала, подошла к окну. На востоке, над тёмным силуэтом гор, разливалась розовая полоса. Новый день наступал. День, который должен был всё решить.

Где-то там, в городе, Арсений готовился к своему отчаянному шагу. Николай Игнатьевич, наверное, уже писал телеграмму. А Глинский... Глинский строил свои последние козни.

Лика выпрямила спину. Страх отступил, уступив место спокойной, холодной решимости. Она не была больше той московской журналисткой, что приехала искать призраки прошлого. Она стала частью этой истории. Частью этой земли. Частью борьбы.

Она посмотрела на море, начинавшее сереть в утреннем свете. Оно было спокойным. Но она знала — под этой гладью могут скрываться самые страшные бури. И она была готова встретить их лицом к лицу. Вместе с ним.

Глава 7. Утро перед бурей

Рассвет разгорался медленно, словно нехотя. Лика, так и не сомкнувшая глаз, услышала первые звуки просыпающейся колонии: скрип колодца, голоса дежурных санитарок, далёкий лай собак. Она умылась ледяной водой, стараясь смыть с лица печать бессонной ночи, и аккуратно, с почти ритуальной тщательностью, упаковала досье. Три копии: одна — для теле-

граммы в краевой комитет (сжатый, на пяти листах), вторая — полный комплект для Николая Игнатьевича, третья — крошечная, на тонкой папиросной бумаге, для тайника. Оригиналы папки Марии Семёновны и письмо Веры она зашила в подкладку своей сумки.

В шесть утра она уже стояла в кабинете Николая Игнатьевича. Доктор выглядел ещё более осунувшимся, но собранным.

— Телеграмма готова, — сказал он, протягивая ей листок. — Кодированная. «По вопросу срочного лечения редкого кожного заболевания требуется консультация профессора Сидорова. Высылаю историю болезни. Прибытие ожидаю к вечеру». Адрес — личный, доверенный. Сидоров — это мой старый товарищ, теперь зампред краевого комитета. Он поймёт. Я уже отправил нарочного на телеграф. Он должен вернуться к девяти с подтверждением отправки.

— А Арсений? — спросила Лика, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Я посылаю человека к маяку на рассвете. Дом пуст. Но на столе лежала записка: «Ушёл раньше. Не ищите. Выполняю план. А.В.».

Значит, он уже в городе. Возможно, уже в здании исполкома. Сердце Лики сжалось от тревоги.

— Что мне делать? — спросила она.

— Ждать. И быть готовой ко всему. Если Арсений спровоцирует скандал, Глинский может в ярости бросить все силы на поиск источника информации. Тебя здесь могут найти. Нужно сменить локацию.

— Куда?

— Есть одно место. Часовня на старом кладбище. Зброшенная. Там когда-то прятали людей. Ключ хранится у могилы с ангелом без крыла. Я тебе покажу на плане. Ты проберёшься туда после завтрака, под видом сбора лекарственных трав за территорией. Возьмёшь с собой досье и будешь ждать моего сигнала. Если всё будет хорошо, я пришлю за тобой кого-нибудь из проверенных. Если нет... — он замолчал. — Если к полудню от меня не будет вестей, бери лодку, что привязана у старого причала под обрывом, и плыви на восток, к устью реки. Там спросишь рыбаков Фому. Скажешь пароль: «Сеть порвалась на левом крыле». Он поможет.

Лика кивнула, глотая комок в горле. План был отчаянным, но другого выбора не было.

— А дети? Настя?

— Дети под защитой персонала. Глинский не посмеет тронуть детское учреждение открыто. Слишком много шума. А Насте... я сегодня утром нашёл в архиве одну старую фотографию. — Он достал из стола пожелтевший снимок. На нём была Вера, совсем молоденькая, с младенцем на руках. На обороте почерком доктора Савельева: «Вера и Александра. 25 августа 1919 г.»

— Это она?

— Возможно. Но сейчас это не главное. Главное — выжить. Чтобы было кому всё это рассказать.

Он обнял её на прощание, быстро, по-отцовски. И Лика, к своему удивлению, почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. За эти несколько дней этот суровый, уставший человек стал ей ближе и роднее многих.

Завтрак прошёл в нервной, звенящей тишине. Лика ела, не чувствуя вкуса, и всё время ловила на себе взгляд Марфы. Та смотрела на неё как-то особенно пристально. Неужели догадалась? Или уже получила указания?

Сразу после завтрака Лика, взяв корзинку для трав, вышла за ворота. Она шла не спеша, делая вид, что срывает по пути ромашку и зверобой, но сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Кладбище было в пятнадцати минутах ходьбы, на холме, поросшем кипарисами.

Место было безлюдным и тихим. Старые, покосившиеся кресты, склепы с облупившейся штукатуркой, тяжёлый запах полыни и хвои. Ангел без крыла нашёлся быстро — маленькая, изъеденная временем статуя на детской могильнице. Под её основанием, в нише, лежал ржавый ключ.

Часовня, крошечная, из дикого камня, пряталась в самой глубине кладбища. Дверь скрипнула, впуслав её в полумрак, пропахший сыростью и ладаном. Лика заперлась изнутри, прислонилась к прохладной стене и попыталась отдышаться. Здесь, в этой каменной утробе, было почти безопасно. Почти.

Она достала досье, ещё раз перечитала ключевые моменты. Время тянулось невыносимо медленно. Каждая минута была наполнена вопросом: что сейчас происходит в городе? Где Арсений? Жив ли?

А в это время в здании окружного исполкома царил утреннее спокойствие. Арсений Волков вошёл в него ровно в восемь утра, когда начался приём. Он был одет в свой единственный приличный костюм — поношенный, но чистый. Лицо его было бледным, но абсолютно спокойным. Он прошёл прямо в приёмную председателя, минуя секретаря.

— Мне нужно видеть товарища Глинского. Срочно. По личному делу.

Секретарша, молоденькая девушка с бантиком в волосах, испуганно посмотрела на него.

— У Сергея Мироновича совещание. Без записи...

— Скажите ему, — перебил её Арсений, и его голос прозвучал так, что девушка вздрогнула, — что пришёл Волков. По делу о вилле «Вера» и пропавших деньгах. Он примет.

Девушка, побледнев, юркнула в кабинет. Через минуту она вышла и кивнула.

— Проходите.

Кабинет Глинского был просторным, с большим окном на море. За массивным столом сидел тот самый человек в очках, которого Лика видела на фотографии и в тени кипариса. Он постарел, обрюзг, но глаза за стёклами очков остались прежними — холодными, пронзительными, как у змеи.

— Волков, — произнёс он без приветствия. — Сколько лет. Думал, ты уже совсем спятил в своём маяке. Что принёс? Новые картины-страшилки?

— Я принёс память, Сергей Миронович, — тихо, но отчётливо сказал Арсений. — Память о 1920 годе. О Павле Орлове. О Вере Волковой. О конфискованных деньгах и несуществующих агентах.

В кабинете повисла тишина. Глинский не моргнул.

— Бред сумасшедшего. Тебя давно пора лечить.

— Возможно. Но прежде, чем меня заберут в психушку, я хочу, чтобы об этом бреде узнали все сотрудники исполкома. И краевой комитет. И московские газеты. У меня есть друзья, Сергей Миронович. Не такие влиятельные, как ты, но очень... упрямые. И у меня есть кое-что. Место, где хранятся не только мои воспоминания, но и кое-какие бумаги. Очень интересные бумаги.

Глинский медленно встал. Он подошёл к окну, глядя на море, словно ища в нём ответа.

— Шантаж? — спросил он без эмоций.

— Информация к размышлению. Я предлагаю сделку. Ты закрываешь все дела, заведённые на меня и на... на тех, кто связан со мной. Гарантируешь безопасность. И возвращаешь картины. А я забываю дорогу в этот кабинет и молчу о том, что знаю.

— А если я откажусь?

— Тогда сегодня же полный комплект документов, подтверждающих твои махинации, упадёт на стол человеку, который тебя не боится. И твоя карьера, Сергей Миронович, закончится. Если не жизнь.

Глинский обернулся. На его лице играла странная, почти восхищённая улыбка.

— Храбро. Глупо, но храбро. Ты думаешь, я не готовился к такому? Что я шесть лет сидел сложа руки? У меня есть на тебя досье, Волков. О том, как ты помогал бежать врагам революции. О том, как твоя сестра сотрудничала с белогвардейскими элементами. И о том, как ты, желая замести следы, убил комиссара Орлова и скрыл его тело. Свидетели есть. Доказательства — будут.

Арсений почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он ожидал угроз, но не такого циничного, тотального подлога.

— Это ложь.

— Правда — это то, во что поверят, — холодно сказал Глинский. — А поверят в то, что подтверждено документами и показаниями. Ты одинок, Волков. Сумасшедший, озлобленный на весь мир художник. Кто за тебя заступится? Девчонка-москвичка, которую я уже почти держу? Доктор-старик, которого снимут с работы за халатность? — Он с наслаждением наблюдал за тем, как рушится уверенность Арсения. — Вот моё предложение. Ты отдаёшь мне ВСЁ, что у тебя есть. Все бумаги, все копии. И называешь имя того, кто тебе помогает. Тогда, возможно, я разрешу тебе доживать свой век в твоём маяке. И не трону ту... Лику, кажется? Орлову. Она ведь внучка? Символично. Могла бы разделить судьбу деда.

Ярость, чёрная и слепая, хлынула в Арсения. Он сделал шаг вперёд, сжав кулаки. Но дверь кабинета тут же открылась, и вошли двое крепких мужчин в форме — очевидно, личная охрана Глинского.

— Успокойся, художник, — мягко сказал Глинский. — Ты же не хочешь скандала прямо сейчас. Подумай над моим предложением. До вечера. Мои люди будут ждать тебя у дома. Принёс всё — живёшь дальше. Нет... — он развёл руками. — Буду скучать по твоим картинам. Особенно по тем, что про бурю.

Арсения вывели из кабинета почти насильно. Он шёл по коридору, не видя ничего перед собой. План провалился. Глинский был на шаг впереди. Он знал про Лику. И угрожал ей.

На улице, слепящей утренним солнцем, Арсений остановился, пытаясь совладать с паникой. Нужно было предупредить Лику. Любой ценой. Но его наверняка уже взяли в плотное кольцо слежки. Каждый его шаг будет отслежен.

И тогда он вспомнил про рыбака Фёдора. Старик был единственным, кто мог быть вне подозрений. Нужно было добраться до Сухого лимана.

В часовне Лика вздрогнула, услышав скрип шагов снаружи. Не стук, не сигнал, а просто шаги. Они остановились у двери. Кто-то тяжело дышал.

— Лидия Николаевна... это я, Марфа, — донёлся сдавленный голос воспитательницы. — Откройте. Ради Бога.

Лика замешалась. Ловушка? Но в голосе Марфы слышалась неподдельная паника. Она медленно отодвинула засов.

Марфа ввалилась внутрь. Её лицо было искажено страхом, платок съехал набок.

— Бегите... — выдохнула она. — Они идут сюда. Доктора уже забрали. Через полчаса после того, как вы ушли. Приехали на чёрном автомобиле, сказали — «для беседы». Но я видела их лица... Это те самые, что вчера проверяли документы. Они угрожали детям, чтобы я сказала, где вы. Я... я сказала про травы, про кладбище... Простите, я испугалась за ребят...

Холодный ужас сковал Лику. Николая Игнатьевича взяли. Значит, телеграмма, возможно, не ушла. И они идут сюда.

— Спасибо, что предупредили, — быстро сказала Лика, хватая сумку. — Возвращайтесь к детям. Делайте вид, что ничего не знаете.

Она выскользнула из часовни и, пригнувшись, побежала вглубь кладбища, к дальнему выходу, ведущему к обрывистому спуску к морю. Сзади уже слышались грубые голоса и лай собаки. Они близко.

Спуск был крутым и опасным. Лика катилась вниз, цепляясь за корни и камни, платье рвалось о колючки. Наконец, песок под ногами. Она оглянулась. Наверху, у часовни, мелькали фигуры. Они её видели.

Причал был старым, полуразрушенным. Лодка, о которой говорил доктор, болталась на волнах — утлая, с дырявым сиденьем, но с вёслами. Лика прыгнула в неё, оттолкнулась от сваи и изо всех сил заработала вёслами, направляясь вдоль берега на восток.

С берега донёлся выстрел. Пуля прожужжала где-то рядом, шлёпнулась в воду. Но стреляли явно для острастки — убивать её в открытом море при свидетелях (на пляже уже показались люди) было бы глупо.

Лика гребли, не чувствуя усталости, подгоняемая адреналином и страхом. Она плыла, не зная, найдёт ли она этого Фому, выживет ли Арсений, что станет с доктором. Но она плыла вперёд, потому что отступать было некуда. Потому что в её сумке лежала правда. И потому что там, на берегу, остался человек, чьи губы ещё хранили тепло его поцелуя, — человек, за которого она теперь боролась так же яростно, как и за память своего деда.

Море было спокойным, почти ласковым. Но она знала — буря уже началась. И теперь ей предстояло пройти через её самое сердце.

Глава 8. Устье реки

Лодку несло слабым прибрежным течением на восток. Ли́ка, выбившись из сил, перестала грести, позволив вёслам лежать на уключинах. Ладони горели, в легких колело, но паника отступила, уступив место ледяной, трезвой ярости. Они взяли Николая Игнатьевича. Арсений в ловушке. А она, как перепуганный заяц, бежит, оставив всех.

«Нет, — сурово сказала она себе вслух. — Не бегу. Отступаю для манёвра».

Она вспомнила карту, которую мельком видела у доктора. Устье реки Анапки должно быть в паре километров. Берег здесь был низким, поросшим камышом и ивой. Идеальное место, чтобы потеряться.

Примерно через час плавания она увидела признаки жизни: дымок над тростниковыми крышами, лодки, вытасканные на песок, сети, развешанные на шестах для просушки. Рыбацкий посёлок. Последние силы она направила лодку к небольшому, полуразрушенному причалу, где стоял старый, могучий дуб, склонившийся над водой.

Едва она причалила, как из-под дерева возникла фигура. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, обожжённым солнцем и ветром, в просмоленных штанах и жилетке поверх голого торса. Он молча наблюдал, как она неуклюже выбирается на берег, по колено в воде.

— Тебя прибило или пригнало? — хрипло спросил он.

— Ищу Фому, — выдохнула Ли́ка, едва стоя на ногах. — Сеть порвалась на левом крыле.

Глаза рыбака сузились. Он огляделся, потом кивком показал следовать за собой. Он провёл её не в посёлок, а вглубь, в заросли лозняка, к одинокому барaku, сложенному из плавника и глины. Внутри пахло дымом, рыбой и кожей.

— Садись. Я — Фома. Кто ты и откуда пароль?

— Меня прислал доктор Николай Игнатьевич из колонии «Рассвет». Меня зовут Ли́ка. Мне нужна помощь. Доктора арестовали. За мной охотятся люди Глинского.

Имя Глинского заставило Фому сплюнуть в угол.

— Паук. Так он и до сюда добрался. Что нужно?

— Укрытие. На день, может, на два. И возможность передать весточку в город. Человеку у маяка. Арсению Волкову.

— Художник? — Фома кивнул, словно что-то вспомнив. — Тяжёлая у него доля. Ладно. Оставайся здесь. Это моя заимка, сюда лишние не ходят. А насчёт весточки... есть один мальчишка, мой племянник. Ловкий, как угорь. Он на ослике возит рыбу в город на рынок. Может передать. Но что?

Ли́ка быстро, на клочке бумаги из блокнота, написала карандашом: «Жива. У Фомы на устье. Доктора взяли. Береги себя. Жду вестей. Л.» Записку она закрутила в вощёную бумагу и перевязала ниткой.

— Передай только в руки. И скажи, что если нельзя будет подойти к дому, пусть оставит ответ под третьим слева камнем у основания маяка, со стороны обрыва.

Фома взял записку, спрятал в потайной карман жилетки.

— Сделаю. А теперь тебе отдых нужен. Выглядишь, как смерть. — Он указал на грубый топчан в углу, застланный овечьей шкурой. — Поспи. Я посторожу.

Лица не стала сопротивляться. Она рухнула на шкуру, и тёмная, беспмятная волна сна накрыла её с головой.

Тем временем Арсений, убедившись, что за ним не идут по пятам (Глинский был уверен в своей победе и не стал тратить ресурсы на плотную слежку), кружным путём, через овраги и виноградники, добрался до Сухого лимана. Фёдор, увидев его, молча впустил в хату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.